

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ФИЛОСОФСКОГО ЭГО-ТЕКСТА

Статья посвящена рассмотрению особенностей языка уникального феномена культуры – философского эго-текста. Термином «философский эго-текст» автор статьи обозначает корпус автобиографических текстов, написанных мыслителями о себе. Язык философского эго-текста существует на границе философии и художественной литературы, следовательно, его специфика усматривается в тенденции синтеза языков философии и художественной литературы.

Проблематика самоидентификации, самопознания, самовыражения личности мыслителя отражается в особых, личностно наполненных текстах культуры, в которых он концентрирует внимание на собственном Эго. В. В. Налимов указывает, что Эго – не стабильное состояние, а процесс, ибо система смысловых (ценностных) представлений непрестанно меняется, особенно в острых жизненных ситуациях [1, с. 23].

Длящееся переживание жизни может запечатлеваться человеком посредством письменного текста, в котором его Эго оказывается вписанным в мир событий, в мир памяти, в мир культуры. Термином *эго-текст* мы обозначаем *корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является авторское «Я», выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий*. Двигаясь по полотну истории культуры, во всех ее эпохах, мы находим особые тексты, в которых личность запечатлевает себя, свое присутствие в мире. Изучение и осмысление дневников, писем, мемуаров, интервью, автобиографий мыслителей заставляет глубже заглянуть в свое культурное прошлое, чтобы увидеть его связь с настоящим.

Стремление осмыслить и обозначить мыслителем собственное Эго через призму разрабатываемой им концепции, в контексте актуальных социокультурных проблем требует философского познания и размышления, что приводит к рождению феномена философского эго-текста. Термин «философский эго-текст» предназначен для обозначения текстов культуры, написанных мыслителями о себе, в которых субъект и объект познания тесно переплетены. В качестве объекта исследования в философском эго-тексте выступает сам автор (субъект), его размышления о мире, личностные переживания. **Философский эго-текст есть рефлексивное конструирование модели личности в процессе философского познания, рассмотрение собственного «Я», основанное на личном опыте в контексте человеческого существования.**

Философский эго-текст – один из способов коммуникации. Он, бесспорно, осуществляет связь между передающим (мыслителем) и принимаю-

щими (читателями). Всякая система, по мнению Ю. М. Лотмана, служащая целям коммуникации между двумя или многими индивидами, может быть определена как язык [2, с. 19]. Мыслитель выбирает язык, на котором он собирается говорить с читателем. Этот язык входит в сложную иерархию языков конкретной науки, эпохи, культуры, народа. При этом следует отметить одну существенную черту, о которой далее пойдет речь: *язык философии* является для философского эго-текста основополагающим, связанным с особыми, ему присущими предметом и аспектом.

Язык философии, понятийный универсум, складывался на протяжении веков. Ключ к владению им скрыт в истории философии. Очевидно, что язык философии имеет довольно узкую сферу применения. Он понятен специалистам, работающим в сфере философии. В данной статье речь пойдет не об идеях философов о языке, а именно о том языке, к которому обращается мыслитель для создания эго-текста. Н. И. Воронина отмечает, что каждое явление культуры имеет свой язык, составляющий ядро этой системы. Зафиксированный в тексте культуры, он передается от поколения к поколению [3, с. 13].

Философские эго-тексты – это особый мир текстов, язык которых существует «на границе» между философией и художественной литературой. Описать собственную жизнь, переживания, искания, важные события, радость, любовь невозможно лишь при помощи философских категорий, составляющих ядро языка философии, как и невозможно представить свою философскую позицию, профессиональную концепцию, точку зрения языком художественной литературы.

Кроме того, язык философии, к которому обращается мыслитель для создания эго-текста, – достаточно сложное явление культуры. Проблемы языка философии рассматриваются в работах видных западных ученых: Г.-Г. Гадамера, Р. Карнапа, Ж. Делеза, В. Дильтея, Э. Сепира, Б. Уорфа, М. Хайдеггера, Ф. Шлегеля, Ф. Шлейермахера и др. В отечественной науке его проблемы представлены в работах Н. С. Автономовой, Д. В. Анкина, В. В. Бибикина, Н. В. Блажевича, М. С. Губайдуллиной, Л. М. Микешинной, В. В. Миронова, В. В. Налимова, С. С. Неретиной, Г. Л. Тульчинского, Г. Г. Шпета, М. Н. Эпштейна. Несмотря на обилие работ в данной сфере и разноракурсность подходов к изучению языка философии, подчеркнем, что язык философии – открытая система. Трансформации в области культуры накладывают отпечаток на данный феномен. В связи с чем его исследование не может иметь принципиально заверченный характер. Отнесение слова к предмету есть обращение к собственно языковому смыслу слова (концепту), что предполагает проникновение к истокам формирования понятия и обращение к субъекту языка, его архаическому языковому сознанию, которые можно наблюдать в актуальных для данной эпохи семантических мотивировках.

Набор значений отдельной лексической единицы, составляющей ее семантическое наполнение, формируется под воздействием представлений людей о взаимосвязях частей этой действительности. Изменение данных представлений (история концептов) тесно связано с изменениями в поле значений лексических единиц (история слов). Язык – не механическое отражение модели мира, он, в свою очередь, оказывает значительное влияние на семантическую структуру картины мира или даже, согласно теории «лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Уорфа, формирует картину мира.

Лингвокультурологический анализ является одним из подходов к реконструкции модели мира. Язык и социокультурная реальность могут быть репрезентированы друг через друга. Мы исходим из следующего: язык и культура представляют взаимообуславливающие структуры, которые могут быть реконструированы в результате анализа письменных философских текстов. В философских работах обычно отмечается, что язык, как и знак, способен фиксировать результаты познания и транслировать их. Недостаточный интерес философов к проблемам своего профессионального языка компенсируется тем, что они заняты другим предметом исследования, их интересуют процессы познания и мышления. Однако профессиональная философская терминология, философский тезаурус – фундамент, на котором впоследствии строится философский эго-текст, всегда требует тщательного обдумывания и проработки. «Профессиональный язык – это технический инструментальный язык систем и концепций: как правило, он бывает разработан тем детальнее, чем четче и внятнее представлена данная концепция. Однако уже для перехода от системы к системе, от концепции к концепции нужны какие-то связки, и они тоже вырабатываются философией – это как бы язык метафилософский (по отношению к отдельным системам и концепциям)», – отмечает в «Заметках о философском языке» Н. С. Автономова [4, с. 14]. Сложившаяся ситуация с недостаточной освещенностью проблематики профессионального языка философии объясняется тем, что философский, интеллектуальный текст ориентирован на людей, имеющих определенную подготовку. Как правило, философы пишут для людей «своего круга».

Философия, занимающая в культуре особое место, являясь ее самосознанием, рефлексировать над феноменами, попадающими в предметную область рассмотрения как естественных, так и гуманитарных наук. Она излагается на особом языке, предназначенном для выражения специфических философских знаний и предельных «вечных» вопросов. Философские термины, понятия, категории вводятся учеными в философские тексты и вычитываются посредством текста. «Философским текстом можно восхищаться как продуктом высокохудожественного творчества, можно быть удивленным или даже оскорбленным, встречая слишком обыденную терминологию, и почти всегда испытывать трудности, связанные с пониманием философского языка», – справедливо отмечает В. В. Миронов [5, с. 5]. Своеобразие языка любой специальной дисциплины отражается в его словаре и правилах, регулирующих построение корректных предложений данного языка. Чем более специфична область знания, тем специфичнее словарный состав языка, которым она пользуется.

Одним из фундаментальных исследований, посвященных проблеме языка философии, является работа В. В. Бибихина, рассматривающая язык в целом как знак целого мира: «Цельность языка – знак цельности целого, а единоустроенность языка – знак единоустроенности мира. Язык есть знак всеединства, он указывает на мир как на всеединство, указывает на согласие мира» [6, с. 87]. Бибихин отмечает, что в философии заложен свой язык. «Язык философии – это не предмет и не тема исследования, это то, что мы хотим расслышать – как наш родной язык, заглушенный наружным шумом» [6, с. 7]. Размышляя на предмет труднопонятности, сложности языка философии, Бибихин пишет: «...странный язык философии. И трудный. Здесь ничего не возьмешь одним энтузиазмом <...>. Философ следит за малейшим от-

клонением от верного понимания своих слов, забраковывает все усилия истолкователя за промах в трактовке хотя бы оттенка» [6, с. 101–102].

Автор исследования «Язык философии» приводит ряд философских понятий: «субстанция», «энтелехия», «энергия», «монада», «экзистенция», «эйдос», которые прочно и давно вошли в культурное пространство философии, но для понимания данных понятий необходимо усвоить суть философских концепций, репрезентирующих данную терминологию. Возникает ситуация герменевтического круга, когда смысл философского понятия вычитывается посредством философского текста, а смысл философского текста понимается в рамках философского направления, его представляющего. Само философское направление осмысливается в рамках всего культурного пространства философии.

Язык философии – это система, функционирующая в обществе, предназначенная для выражения мировоззренчески значимых проблем с помощью категориального отражения. Язык философии является посредником между философствующим субъектом и системой философского знания. Гипотетически, отмечает в докторской диссертации И. В. Цветкова, язык философии составляет конститутивную часть системы философского знания по двум основаниям: 1) философия является частью системы философского знания и, следовательно, как и система знания может конституироваться значениями языка; 2) философия как система знания не может быть представлена обыденным, разговорным языком, т.к. узус языка носит характер двусмысленности и часто неопределенности, он выражает фактические данные, но не сущность предметов, вследствие чего и возникает проблема языка философии [7, с. 30]. Будучи коммуникативной репрезентацией философского осознания бытия, язык философии един по основному словарному фонду. Философский тезаурус представляет часть интеллектуального багажа субъекта, которая способна трансформироваться в регулятивные принципы. Он может служить программой управления деятельностью субъекта и включает в себя такие универсальные категории, как *человек и мир, субстанция и атрибуты, сознание и материя, субъективность и объективность, бытие и небытие, знание и действие, свобода и необходимость, реальность и идеал, истина и заблуждение, добро и зло, прекрасное и безобразное, тождество и различие, сущность и явление, часть и целое, форма и содержание, качество и количество, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность* и др. Особый метауровень философского тезауруса составляют термины, используемые для той или иной интерпретации мировоззренческой ситуации: *материализм и идеализм, эмпиризм и рационализм, позитивизм и персонализм, натурализм и социоцентризм, космоцентризм и антропологизм* и т.д. Из философского тезауруса вырабатывается впоследствии метод, ибо он представляет собой теоретическое знание.

Мир автора философского эго-текста практически недоступен Другому. Нужно знать «шифр» для раскодирования с целью осуществления адекватного понимания. Таким образом, своеобразие философского эго-текста проявляется в особенности его **языка**, который, в свою очередь, выступая индивидуальным инструментом выражения этого особого мира, является причиной непонимания мира философа.

В отличие от обыденного языка, возникающего спонтанно в ходе общения, язык философии сам по себе не возникает – это осознанная работа,

включающая в себя иногда перевод, иногда расшифровку и всегда истолкование. Так, античная философия складывалась методом внутреннего метафорического переноса – обозначения чувственно-воспринимаемых явлений перекладывались на умопостигаемые сущности, и тогда, например, «внешний вид» выражался посредством понятия «эйдос». Это была трудная интеллектуальная работа, итогом которой явился слой абстрактной лексики, позволившей «оторвать» философские понятия от обыденных восприятий и мифических образов.

Исходя из концепции Ю. М. Лотмана о языке художественного текста как «вторичной моделирующей системе», мы рассматриваем язык философского эго-текста в аналогичном ракурсе, ибо он вбирает в себя язык нескольких дисциплинарных полей науки, искусства, религии и психологии и т.д. Кроме того, мы исходим из современных тенденций понимания философии, а именно:

– **философия – это наука**, язык которой фиксируется в категориально-понятийном аппарате, т.к. историческое становление философии происходило в тесной взаимосвязи с научным дискурсом. Следовательно, *язык философского эго-текста тесно взаимосвязан с языком науки и содержит профессиональную научно-философскую терминологию*;

– **философия – особая форма мировоззрения**, как выражение проблем человека, поэтому здесь «складывается» своя терминологическая система для обозначения философских проблем. Поэтому язык философского эго-текста тесно взаимодействует с языком искусства, в частности с языком художественной литературы, поэзии, религии, психологии, истории и т.д.

В истории философии четко прослеживается тенденция развести эти типы философствования. Так, К. Ясперс выделяет профитическую и научную философию, т.е. философию проведическую, пророческую, определяющую ценностные основания жизни (иллюстративным примером может послужить его работа «Смысл и назначение истории»), и философию, направленную на концептуально-теоретическое осмысление сущности бытия, в этом случае примером может быть его же труд «Разум и экзистенция», на который мы делаем ссылку, в выделении двух концептуальных видений философии [8, с. 107, 109].

Специфика языка философии как языка науки коренится в некоторых стилистических особенностях научного произведения, что и определяет его своеобразие. Лингвистические исследования анализа стилистических особенностей языка науки исходят из учета, прежде всего, тех специфических задач, которые решаются в процессе научного мышления. Идея научного мышления коренится в осознании мира посредством логического освоения, понимания и превращения фактов познания в смысловые (логические) категории, понятия, которые лишены экспрессивных окрасок и эмоциональной нагрузки. Это обуславливает стремление к объективности и однозначности научного текста, которое достигается:

- а) преимущественным использованием слов не в переносном, а в прямом предметно-логическом значении;
- б) значительной терминологичностью языка;
- в) стремлением к использованию интеллектуальных языковых средств, лишенных эмоциональной нагрузки.

Характеризуя язык философии в тесной взаимосвязи с научным дискурсом, отметим, что он пополняется за счет проблемных исследований в об-

ласти философии. Для того чтобы философ мог реализовать свой потенциал и выстроить теорию, он вводит новые философские понятия и категории. Для неспециалистов они зачастую остаются непонятными. На это указывает физик и философ В. В. Налимов: «В отличие от обыденного языка людей, язык науки носит значительно более выраженный *кодовый* характер. Глубина кодирования, или, иначе, информационная емкость понятий, растет во времени по мере развития научных концепций» [9, с. 130]. Таким образом, смысловая наполненность терминов меняется вместе с изменением научного знания, но их содержательный стержень позволяет сохранять преемственность старых и обновленных теорий, осуществлять «принцип соответствия» между общепризнанными и инновационными научными взглядами.

Наряду с философской традицией, опирающейся на рациональное постижение мира, язык которой предельно плотно сближается с языком науки, существуют мнения, подвергающие сомнению определять философию как науку. Б. Рассел определил место философии в духовной жизни человека как «ничейную землю» между наукой и религией – двумя основными формами освоения им мира. Подобно науке, философия руководствуется принципами рационализма, но в то же время философские проблемы таковы, что однозначного ответа на них нет. Иначе говоря, вопросы философии, вопросы мировоззрения нельзя решить исчерпывающе однозначно. С каждым шагом истории, развития культуры складываются иные ситуации. Для их понимания, осмысления и оценки требуется постоянная работа философской мысли, которая находится в несколько иной плоскости, нежели мысль ученого. По мнению В. В. Миронова, «философские понятия и категории диалектически сочетают в себе моменты определения (устойчивости) и моменты неопределенности (изменчивости), которые содержатся в самом бытии. Они опираются на все богатство духовного освоения мира человеком, на весь его совокупный опыт <...> для философии, которая опирается не только на научное, но и на художественное освоение мира человеком, важными являются ценностно-эмоциональные критерии, а философский текст в некоторых случаях может доставлять чисто эстетическое удовлетворение» [5, с. 5]. Философ не довольствуется объективной картиной мира, он обязательно «вписывает» в нее человека. Отношение человека к миру – вечный предмет философской рефлексии. Данная тенденция нашла выражение в философии жизни, экзистенциализме, феноменологии и т.д. Представители этих направлений выступали с критикой уподобления философского дискурса научному, стремились к предельному сближению философского и поэтических языков. Сокровенная цель философии – вывести человека из сферы обыденности, увлечь его высшими идеалами, придать его жизни истинный смысл, открыть путь к самым совершенным ценностям.

Между философской и художественной словесностью есть много общего. В частности, наблюдается сходство, родство категорий философии и категорий литературы. Выше мы демонстрировали важность категорий философии как средства философско-теоретического мышления. Система философских понятий и категорий может существовать отдельно от философского произведения в качестве самостоятельной, логической системы. И в этом отношении, т.е. как достигнутый предшествующей философской деятельностью «совершенный» результат, система категорий дана автору-мыслителю

как образец, канон, как идеальная форма организации духовного, творческого процесса и его результата – философского эго-текста.

Нечто подобное существует и в литературе. Так, в романном повествовании, в малых прозаических жанрах работают образные формы мысли, соизмеримые с системой философских категорий: мир произведения, герой, субъект действия и его отношения с миром, движение (развитие), пространство и время как характеристика художественного мира; жизнь и смерть, добро и зло и пр. Система категорий литературы выступает не как формальное образование, не как внешне фиксированная логическая система, но как содержательная система литературы, ее «содержательная форма».

Сопоставляя между собой языки философии и литературы в их бытовании внутри одного философского эго-текста, мы обнаруживаем также и сходство их содержания: в своем предельном значении это – системы представлений о человеке и о мире, выражающие исторический тип мироотношения. В литературе – наиболее многообразной, многоплановой форме отражения – эксплицируются категории, наиболее близкие по своему содержанию философии. В философских эго-текстах мыслитель стремится выразить свое «Я», репрезентировать себя, рассказать о себе и в то же время обозначить свою мировоззренческую и профессиональную позиции, прибегая к языку философии и литературы. Таким образом, можно сделать вывод о концептуальных и содержательных моментах единства языка философии и литературы, лежащих в основе философского эго-текста.

Итак, как выше мы отмечали, специфической особенностью языка философского эго-текста является **тенденция синтеза**. В таких текстах язык философии «сближается» с языками естественных и гуманитарных наук, а также с языком художественной литературы. В качестве примера приведем произведения Н. Аббаньяно «Воспоминания философа», А. Аврелия «Исповедь», М. Аврелия «Наедине с собой», Н. Винера «Я – математик», Б. Кроче «Автобиографические страницы», Н. А. Бердяева «Самопознание», В. И. Вернадского «Автобиография В. И. Вернадского», П. А. Сорокина «Долгий путь» и др., перечисление можно продолжать еще долго. Для нас в этом процессе особенно важно то, как узко специализированный научный тип текста переводится в синтетичное изложение, вбирающее в себя научный и художественный языки.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что в статье мы не ставили цель проделать целостный анализ языка философии, это тема отдельного исследования. При рассмотрении специфики языка философского эго-текста **важным является** следующее:

1) понимание того, что философские эго-тексты – это особый мир текстов, и им присущ особый язык, отличающий их от теоретических философских текстов и от текстов художественной литературы. Этот язык существует «на границе» между философией и художественной литературой;

2) язык философского эго-текста тесно взаимосвязан: а) с языком науки и содержит определенный философский категориально-понятийный аппарат, профессиональную научно-философскую терминологию; б) с языками искусства, в частности художественной литературы, поэзии, религии, психологии и т.д. Соответственно, специфика языка философского эго-текста заключается в синтезе языков представленных сфер;

3) язык философии является фундаментальной основой для создания философского текста и его жанров. Философский эго-текст – это магия слова. Поэтический пласт заставляет всматриваться в то, что «спрятано» за словом, воспринимая целостный образ его автора и культуры. Такие произведения становятся актуальными для тех, кто их воспринимает, обогащая новыми смыслами и контекстами понимания. Их ценность и смысл открываются на встречу живому интересу, желанию постичь текстовые горизонты и глубины.

Список литературы

1. **Налимов, В. В.** Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье / В. В. Налимов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
2. **Лотман, Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство – СПб, 2005. – С. 14–287.
3. **Воронина, Н. И.** Теоретическая культурология / Н. И. Воронина. – Саранск : Красный Октябрь, 2006. – 228 с.
4. **Автономова, Н. С.** Заметки о философском языке : традиции, проблемы, перспективы / Н. С. Автономова // Вопросы философии. – 1999. – № 11. – С. 13–28.
5. **Миронов, В. В.** Специфика гуманитарного знания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм?) / В. В. Миронов // Вестник Московского университета. – 1998. – № 6. – С. 3–27. – (Серия 7: Философия).
6. **Бибихин, В. В.** Язык философии / В. В. Бибихин. – М. : Наука, 1993. – 325 с.
7. **Цветкова, И. В.** Философский текст и философская культура в их детерминированной взаимосвязи : дис. ... д-ра филос. наук / И. В. Цветкова. – Екатеринбург, 2004. – 264 с.
8. **Jaspers, K.** Vernunft und Existenz / K. Jaspers. – Groningen, 1934. – 248 s.
9. **Налимов, В. В.** Вероятностная модель языка / В. В. Налимов. – М. : Наука, 1979. – 425 с.